

R 446
1043

446
R 1043

Н. В. Сумцовъ.

З А Я Ц Ъ

ВЪ

НАРОДНОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

(Изъ X-й книги „Этнографическаго. Обзорнія“).

МОСКВА.

Высочайше утв. Т-во Скоропечатни А. А. Левенсонъ. Петровка д. Левенсонъ.

1891.

2007098046

Р 446
1043

Государственная
БИБЛИОТЕКА
СССР
им. В. И. Ленина

12820-69

З А Я Ц Ъ

ВЪ НАРОДНОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

Изученіе повѣрій и сказокъ о зайцахъ представляетъ научный интересъ, такъ какъ даетъ возможность установить генетическую связь между повѣрьями и сказками и свести ихъ къ немногимъ основнымъ, древнимъ мотивамъ. Повѣрье и сказка обыкновенно стоятъ независимо одно отъ другого, имѣютъ большей частью обрывочный видъ и ограниченное значеніе. Это значеніе расширяется, когда, какъ въ настоящемъ случаѣ при изученіи нѣкоторыхъ повѣрій и сказокъ о зайцахъ, можно намѣтить точки соприкосновенія между повѣрьемъ и сказкой и опредѣлить внутреннее ихъ родство и взаимное соотношеніе.

На первое мѣсто я ставлю темное повѣрье, что несчастье должно постигнуть человѣка, если ему встрѣтится или перебѣжитъ дорогу заяцъ. Повѣрье это распространено повсемѣстно въ Россіи, сѣверной и южной, восточной и западной, у Бѣлаго и Чернаго морей, по Волгѣ и Днѣпру. Нѣтъ надобности ссылаться по этому поводу на этнографическіе труды, такъ какъ самое положеніе не можетъ вызывать какихъ либо ограниченій или исключеній. Всѣмъ извѣстно, что русскій человѣкъ остерегается встрѣчи съ зайцемъ, а при встрѣчѣ плюетъ на сторону, бранитъ этого маленькаго и робкаго звѣрька, какъ предвѣстника неудачи или несчастья, принимаетъ иногда охранительныя мѣры.

Тождественное повѣрье бытуеетъ у многихъ другихъ народовъ: у поляковъ (*Kolberg, Lud III. Kujaw. 90*), чеховъ (*Zibrt, Staroč.*

vyroć. obyć. a pov., 97), ужицкихъ сербовъ (*Haupt u. Smoler, Volkslied. II 259*), у болгаръ (*Шушковъ, Родопски Старини 1, 12; Любеновъ, Баба-Яга, 41*), у нѣмцевъ въ Мекленбургѣ (*Bartsch, Sagen, 127*), въ Тиролѣ (*Zingerle, Sitten, 92*), въ Пруссіи (*Krause, Zeitschr. f. Ethn. 1883, 87*), у норвежцевъ (*Liebrecht, Zur Volkskunde, 314*), во Франціи (*Wolf, Beiträge I, 251, Rolland, Faune popul. I, 87*), въ Англіи въ XVI ст. и позднѣе (*Спенсеръ, Описат. Соціол. 212*). Ипатьевская лѣтопись отмѣчаетъ такое повѣрье у древнихъ литовцевъ.

Единственнымъ исключеніемъ оказывается записанное въ Помераніи народное повѣрье, что если дорогу перебѣжить заяцъ—къ счастью, волкъ—къ несчастью. (*Temme, Die Volks-sagen von Pommern und Rügen, 346*). Здѣсь заяцъ получилъ значеніе предвѣстника удачи, вѣроятно, въ силу сопоставленія съ волкомъ.

На чемъ основано повѣрье о несчастномъ значеніи встрѣчи съ зайцемъ? Ближайшій источникъ этого повѣрья—демоническое значеніе зайца, въ однихъ мѣстахъ совсѣмъ забытое, въ другихъ забываемое, древнѣйшій источникъ—религіозно-миоическое отношеніе зайца къ лунѣ.

У европейскихъ народовъ, въ частности у славянъ, существуетъ много мелкихъ повѣрій и сказокъ о демоническомъ значеніи зайца. Малороссы вѣрятъ, что заяцъ сотворенъ чортомъ; онъ служить чорту передовымъ (*Чубинскій, I, 55*). Бѣлоруссы говорятъ, что по пути свадебнаго поѣзда въ церковь чортъ можетъ перебѣжать дорогу чернымъ зайцемъ или волкомъ, и это всегда предвѣщаетъ несчастье (*Дякшій, въ Этногр. Обзор. VII, 27*). Въ Россіи существуетъ повѣрье, что плывя по водѣ не должно поминать зайца, потому что этого не любить водяной и осердившись подымаетъ бурю (*Аванас., Поэт. возвр. I, 643*).

Демоническимъ значеніемъ зайца обусловлено повѣрье, что грѣшно употреблять въ пищу его мясо. Такъ оренбургскіе казаки называютъ зайцевъ погаными и не ѣдятъ ихъ (*Черемшанскій, Опис. Оренб. губ., 210*).

Въ одной русской сказкѣ о мужикѣ и чортѣ мужикъ засѣялъ поле рѣпой и однажды сказалъ, разсердившись, что-бы чортъ забралъ ниву. Когда поспѣла рѣпа, чортъ предъ-

явилъ свое право собственности на рѣпу. Вышелъ споръ. Порѣшили выѣхать въ поле одновременно, и кто отгадаетъ, на какомъ животномъ ѣдетъ противникъ, тому и будетъ принадлежать рѣпа. Чортъ выѣхалъ на зайцѣ, и мужикъ сразу отгадалъ; мужикъ выѣхалъ на своей женѣ, и чортъ остался въ проигрышѣ (*Krøftdâa*, I, 59—61 и IV, 197). Весьма сходныя сказки и басни находятся въ „Народ. рус. сказкахъ“ Аванасьева (II, 33), норвежская у Asbjørnsen'a 73, 3, нѣмецкая у Гримма № 189, португальская у Браги № 81, въ *Conde Lusano*, с. 41, французскія у Лафонтена и у Рабле (*Pantagruel*, IV, гл. 46). Для насъ здѣсь важно только появленіе зайца въ услуженіи чорту.

Къ 1800 году приуроченъ слѣдующій чешскій рассказъ. Нѣкто Мика изъ Спиорога былъ подъ Святецкой скалой, гдѣ собиралъ ягоды. Онъ сѣлъ на камень отдохнуть. Передъ нимъ явился чортъ въ видѣ зайца, сѣлъ на заднія лапки, вытягивался, выдѣлывалъ разныя штуки и предлагалъ поцѣловать его въ задъ. Мика ударилъ зайца рукой, и заяцъ исчезъ съ шумомъ, оставивъ послѣ себя большое зловоніе (*Sumlork*, *Staros. pow., hry., obyč.*, II, 577).

М. Е. Халанскій сообщилъ мнѣ весьма сходный рассказъ, который онъ слышалъ отъ одного крестьянина-пасѣчника Курской губерніи. Иду на пасѣку, говорилъ крестьянинъ, и вдругъ совсѣмъ подѣ ноги подскочилъ заяцъ. Я взялъ его и понесъ къ куреню. По мѣрѣ того, какъ я приближался къ куреню, заяцъ дѣлался все тяжелѣе и тяжелѣе. Наконецъ, я вынужденъ былъ бросить его. Тогда заяцъ захохоталъ и исчезъ изъ виду.

Въ нѣмецкихъ повѣрьяхъ и сказкахъ заяцъ имѣетъ демоническое значеніе. Вѣдьма обращается въ зайца (*Zingerle*, *Sitten... d. Tiroler Volkes*, 2 изд., 65; *Bartsch*, *Sagen... aus Meklenburg*, II, 38, 40). По временамъ является заяцъ величиной съ большую собаку, даже съ осла (*Henne-am-Rhyn*, *Die d. Volkssage*, 143). Въ нѣмецкихъ сказкахъ и повѣрьяхъ часто упоминается треногій заяцъ, иногда предвѣщающій человѣку смерть черезъ три дня (*H.-am-Rhyn*, 143—146; *Grasse*, *Das Sagenschatz*, I, № 471. II, № 635; *Mülhause*, *Die Urreligion d. deutsch. Volkes*, 159), въ связи съ чертомъ (*Schöppner*, *Sagenbuch der Bayerisch. Lane*

1. 371), иногда заяцъ заколдованный (ib. II, 206). Треногіи заяцъ встрѣчается также въ сербо-лужицкихъ повѣрьяхъ (*Veskenstedt*, *Wendische Sagen*, 303) въ значеніи чорта.

Демоническая природа зайца обнаруживается между прочимъ, въ слѣдующемъ разсказѣ, записанномъ въ Бельгіи: дочь колдуньи вышла замужъ противъ воли своей матери и была проклята ею; всѣ дѣти ея рождались безобразными, съ заячьей губой, кромѣ послѣдняго ребенка, который родился послѣ смерти своей бабки-вѣдьмы и былъ очень красивъ (*Nimal*, въ *Revue d. trad. popul.* 1889. V, 296).

Въ средневѣковыхъ судебныхъ процессахъ о вѣдьмахъ встрѣчается обвиненіе вѣдьмъ въ хожденіи на демонскій шабашъ въ видѣ зайца (*Heppesoldan*, *Gesch. d. Hexenprocesse*, 301, 303).

Въ настоящее время во Франціи существуетъ еще много демоническихъ сказокъ о вѣдьмахъ и колдуньяхъ, обращающихся въ зайцевъ. Въ Вогезахъ встрѣча съ зайцемъ считается несчастной въ особенности по заходѣ солнца. Въ это время часто бѣгаютъ колдуны въ видѣ зайца. Его тогда не берутъ собаки, не беретъ ружье. Какъ-то каждый вечеръ у подножія горы Фуршъ бѣгалъ огромный заяцъ, и охотники не могли его застрѣлить. Тогда одному охотнику пришла счастливая мысль подбавить къ дробѣ нѣсколько кусочковъ освященнаго хлѣба. Заяцъ былъ тяжело раненъ. Онъ бѣжалъ, издавая крики и проклятія человѣческимъ голосомъ. Вскорѣ узнали, что въ видѣ зайца бѣгала одна колдунья изъ сосѣдней деревни. Въ другомъ разсказѣ охотникъ наноситъ зайцу рану въ одну изъ заднихъ ногъ. Заяцъ бросился въ одинъ домъ, и охотникъ слышалъ, какъ дѣти закричали въ этомъ домѣ: «Папа, папа, у нашей бѣдной мамы разбита нога!» (*Sauvé*, *Le Folk-lore des Hautes-Vosges*, 176).

Изъ русскихъ инородцевъ пермяки издавна не употребляютъ въ пищу зайца и пѣтуха, какъ «поганныхъ». Предполагаютъ, что въ языческія времена заяцъ и пѣтухъ были жертвенными животными, почему и составляли табу для простого смертнаго. Эти животныя и теперь еще играютъ роль въ нѣкоторыхъ религіозныхъ обрядахъ пермяковъ; такъ, пѣтухъ и до сихъ поръ приносится въ жертву, а невыдѣланныя зая-

чи шкурки зачастую служатъ мѣстнымъ колдунамъ при гаданіяхъ (*Добротворскій*, въ Вѣст. Европы 1883. III, 250).

Итакъ за зайцемъ въ народныхъ повѣрьяхъ скрывается чортъ; заяцъ служить зооморфическимъ образомъ чорта. Естественно возникаетъ вопросъ, съ какой стати робкій заяцъ, *lepus timidus*, безвредное маленькое животное получило демоническій характеръ? Демоническое значеніе легко могъ получить черный и хищный воронъ, отвратительная по наружности ночная птица сова, свирѣпый хищный волкъ, свинья, по положенію ея въ жертвенномъ ритуалѣ древнихъ классическихъ народовъ; у зайца наружность не бьющая въ глаза, нравъ робкій и въ жертвоприношеніи онъ никогда не входилъ.

Существуетъ цѣлый рядъ сказаній у народовъ Полинезіи, юго-восточной Азіи и южной Африки глубоко-древняго характера, можетъ быть, первобытныхъ, которыя могутъ въ совокупности дать удовлетворительное объясненіе демоническаго значенія зайца. Подъ чортомъ повѣрій и сказокъ о зайцѣ скрывается первобытный религіозно-миѣическій образъ злого духа, стоявшаго въ какой-то недостаточно ясной въ настоящее время связи съ мѣсяцемъ или точнѣе лунными пятнами. Здѣсь выступаетъ первобытный, повидимому, общечеловѣческій космогоническій миѣъ, въ которомъ заяцъ игралъ роль бога, принимающаго участіе въ сотвореніи міра, свѣтилъ небесныхъ и человѣка.

Ипатьевская лѣтопись упоминаетъ о поклоненіи литовцевъ заячьему богу: „Миндогъ же посла къ папѣ и прія, крещеніе же его льстиво бысть: жряше богомъ своимъ въ тайнѣ“; далѣе перечисляются языческіе боги, между прочимъ, заячій богъ. Въ литовскихъ пѣсняхъ встрѣчается какой-то темный намекъ на отношеніе зайца къ солнцу: Усинь сидитъ на горѣ; заяцъ на корточкахъ ввизу. Присматриваясь къ этому зайцу, Усинь говоритъ: Его я не впрягу, ни поѣду на немъ; онъ и не побѣжитъ по дорогѣ (*Вольтеръ*, Матер. для этногр. латыш. пл. 39) Г. Вольтеръ дѣлаетъ при этомъ такую замѣтку: „Въ миѣѣ *zakis*, литовск. *Zukis*—заяцъ, санскр *śaśa*, означаетъ мѣсяцъ; оттого, можетъ быть, Усень, увидѣвъ зайца, смущается и отказывается на немъ ѣздить, ибо заяцъ—представитель ночи.“ Отмѣтимъ мимоходомъ, что въ монгольскихъ

сказкахъ въ такомъ же отношеніи къ солнцу оказывается сурокъ-тарбаганъ: Сурокъ былъ прежде охотникъ; въ то время было четыре солнца—на каждой сторонѣ неба по солнцу. Онъ началъ стрѣлять по солнцамъ и трехъ уже застрѣлилъ. Тогда Бурхынъ-бакши испугался, что не будетъ свѣта на землѣ, и обратилъ этого охотника въ сурка (*Потанинъ*, Оч. свѣд. зап. Монголіи, IV, 179). Китайцы усматриваютъ на лунѣ зайца. Таоисты вѣрятъ, что заяцъ на лунѣ толчетъ въ ступѣ вещества для приготовленія безсмертнаго элексира. Въ Китаѣ распространено повѣріе, что самки зайцевъ, посматрѣвъ на луну, дѣлаются беременными. Буддизмъ только закрѣпилъ эти повѣрья такъ какъ съ буддизмомъ связана слѣдующая легенда: Нѣкогда жили вмѣстѣ лисица, обезьяна и заяцъ въ добромъ согласіи. Повелитель неба Чакра пришелъ къ нимъ подъ видомъ старика и просилъ пищи. Лисица поймала для него рыбу, обезьяна насобираала древесныхъ плодовъ, и только заяцъ ничего не могъ найти. Не желая нарушить долгъ гостепріимства, заяцъ бросился въ печь, чтобы старикъ могъ съѣсть его самого въ испеченномъ видѣ. Чакра, глубоко тронутый этимъ самопожертвованіемъ зайца, вынулъ его изъ печи и помѣстилъ на лунѣ, чтобы онъ вѣчно служилъ эмблемой гостепріимства и милосердія. Нѣкоторые буддисты увѣряютъ далѣе, что этотъ заяцъ былъ саммъ Будда во время одного изъ своихъ многочисленныхъ воплощеній. Повѣрье о лунномъ зайцѣ въ Китаѣ бытовало издревле. Древніе китайскіе богдыханы имѣли на своемъ верхнемъ платьѣ изображеніе мѣсяца съ зайцемъ, который подъ деревомъ толчетъ въ ступкѣ, причемъ дерево служило символомъ долголѣтія или даже безсмертія (древо жизни). Сцена эта и нынѣ воспроизводится ежегодно на хлѣбахъ, которые пекутъ на осеннихъ праздникахъ (*Girard de Rialle*, въ *Revue d. trad. popul.* 1888, 136). Повѣрье такого рода существовало у древнихъ индусовъ, что видно изъ приведенной буддѣйской легенды и изъ названія мѣсяца сасин, сасанка, т. е. носящій на себѣ зайца (*Benfey*, *Pantsch.* I, 349), названіе по всей вѣроятности, глубоко-древнее, древнѣе буддѣйской легенды. Въ связи съ этимъ повѣрьемъ стоитъ древняя повѣсть о слонѣ и зайцѣ, нашедшая мѣсто въ Пан-

чатантрѣ и въ многочисленныхъ передѣлкахъ ея. (*Benfey, ib*). Въ Калилѣ и Димнѣ сказка о слонахъ и зайцахъ передана въ такомъ видѣ: Въ одной странѣ наступила большая засуха, источники изсякли; растительность была повреждена и деревья засохли. Тогда слоны стали томиться отъ жажды; они стали жаловаться на это своему царю. Царь послалъ тогда своихъ развѣдчиковъ искать воду во всѣхъ окраинахъ. Одинъ изъ нихъ нашелъ источникъ, называемый источникомъ луны, обильный водою. Царь слоновъ со своими приближенными отправился къ тому источнику. Источникъ находился въ землѣ, принадлежащей зайцамъ. Слоны наступили на зайцевъ въ ихъ норахъ и погубили ихъ много. Тогда зайцы собрались къ своему царю и сказали ему о постигшей ихъ бѣдѣ. Одинъ изъ зайцевъ, очень сообразительный, Файрузъ, былъ посланъ для переговоровъ съ царемъ слоновъ. Файрузъ не рѣшился близко подойти къ слонамъ, чтобы они не задавили его ногами. Онъ взобрался на гору и вызвалъ царя слоновъ и сказалъ ему: „а меня послала къ тебѣ луна.“ Царь слоновъ спросилъ: что у тебя за посланіе? Файрузъ сказалъ: „луна говоритъ тебѣ: кто сознаетъ превосходство своей силы надъ слабыми и вслѣдствіе этого самъ пренебрегаетъ сильными, сила того будетъ ему потѣхой. Ты созналъ превосходство своей силы надъ четвероногими и сдѣлался заносчивымъ: ты отправился къ источнику, который называется по имени луны, напился изъ него и замутилъ его. Поэтому луна послала меня уговорить тебя не повторять того же самаго. Если ты сдѣлаешь это, твой взоръ померкнетъ и твоя душа погибнетъ. Файрузъ отправился съ царемъ слоновъ къ источнику. Въ водѣ отражалась луна. Файрузъ посоветовалъ слону умыться и поклониться лунѣ. Когда отъ хобота заволновалась вода и на ней задрожала луна, то слонъ подумалъ, что луна сердится, принесъ покаяніе и обязался быть осторожнымъ (*Калила и Димна, въ пер. Аттаи, 137*).

Въ этомъ разсказѣ съ одной стороны обнаруживается космогоническій мифъ о мѣсяцѣ и зайцѣ, съ другой широко распространенный литературный мотивъ о самообманѣ того или другого животного, по отраженію луны въ водѣ. Въ рус-

ской научной литературѣ мотивъ этотъ подробно разсмотрѣнъ Л. З. Колмачевскимъ въ диссертациі о животномъ эпосѣ (стр. 77 и сл.). Колмачевскій указалъ на параллели къ эпизоду объ отраженіи луны въ Панчатантрѣ, гдѣ заяцъ указываетъ слону отраженіе луны въ водѣ, въ сказкахъ хорватской, сербской, ново-провансальской, двухъ португальскихъ, въ романѣ о Ренарѣ и въ басняхъ у Marie de France и Петра Альфонса, въ которыхъ лиса отраженіе луны въ водѣ выдаетъ волку за сыръ. Сюда относится еще одна сербо-лужицкая сказка у Haupt'a и Smoler'a, II, 164.

У американскаго индійскаго племени прокезовъ записано повѣрье, что огромный заяцъ извлекъ міръ изъ воды (*Lang, Etudes traditionnistes*, 58). Къ этому повѣрью примыкаетъ другое съ архипелага Тонга, по которому богъ Мауи, когда ловилъ рыбу, вытянулъ на удочкѣ острова (*Reville, Les religions*, II, 46). У готентотовъ записана слѣдующая любопытная сказка о зайцѣ и вшѣ: Въ началѣ міра луна послала вошь сказать человѣку, что онъ послѣ смерти, подобно лунѣ, снова возродится къ жизни. Заяцъ встрѣтилъ вошь, узналъ о порученіи луны, побѣждалъ къ человѣку и оповѣстилъ его въ противоположномъ смыслѣ, будто мѣсяцъ поручилъ ему сказать: какъ я умираю, такъ пусть вполнѣ умираетъ человѣкъ. Затѣмъ заяцъ сообщилъ о своемъ поступкѣ мѣсяцу. Мѣсяцъ въ гнѣвѣ такъ ударилъ зайца, что разсѣкъ ему верхнюю губу, а заяцъ поцарапалъ у мѣсяца лицо, отчего и произошли лунныя пятна. Оттого готентоты не любятъ зайца и не ѣдятъ его мяса (*Reville, ib.* I, 172). На островахъ Фиджи такой же космогоническій мифъ существуетъ относительно луны, но заяцъ замѣненъ мышью, которая настояла, чтобы люди умирали (*ib.* II, 129); въ космогоническомъ мифѣ зулусовъ роль зайца играетъ саламандра (Басни и ск. дикихъ народовъ, 26).

Въ цѣльномъ сочиненіи Ревилля „*Les religions des peuples non-civilisés*“ (I, 366) высказано мнѣніе, что культъ луны древнѣе культа солнца, и восходитъ въ примитивную древность. У многихъ дикихъ племенъ (преимущественно американскихъ) культъ луны стоитъ на первомъ мѣстѣ. Луну считаютъ источникомъ добра и зла, творцомъ міра и человѣка, простираютъ

къ ней руки съ молитвословіемъ, называютъ ее прекрасной. Въ Бразиліи женщины выставляютъ своихъ дѣтей на лунный свѣтъ, чтобы луна увидѣла ихъ и покровительствовала имъ. Луна — повелительница неба; она сходитъ иногда на землю, и тогда умираетъ много людей и деревья не даютъ плодовъ. Когда луны не бываетъ на небѣ, тогда она странствуетъ по землѣ и наказываетъ дурныхъ людей, иногда похищаетъ дѣтей (ib. 366). Въ южной Африкѣ въ честь луны накладываютъ кучи камней, на которыя потомъ каждый проходящій бросаетъ что-нибудь, палочку, тряпочку, цвѣтокъ (ib. 175). Культъ луны былъ распространенъ у многихъ культурныхъ народовъ древности, но постоянно уступая первое мѣсто культу солнца, особенно усилившемуся и развившемуся съ переходомъ народовъ отъ быта звѣроловнаго и пастушескаго къ быту земледѣльческому. Демоническое значеніе зайца выросло, по видимому, на древнѣйшей религіозно-миѣической основѣ, какъ отзвукъ первобытнаго космогоническаго міа, и въ повѣрѣхъ о несчастномъ значеніи встрѣчи съ зайцемъ мы имѣемъ въ настоящее время окаменѣлый обломокъ первобытнаго космогоническаго міа.

Любопытно, что обломокъ этотъ сохранился между прочимъ въ малорусской дѣтской игрѣ въ зайца. Въ Купянскомъ уѣздѣ Харьковской губерніи записана такая игра: дѣти становятся въ кружокъ; дѣвочка или мальчикъ входитъ въ середину круга и начинаетъ считать, указывая на каждаго пальцемъ, и говорить: „Заяцъ-мисяцъ, де ты бувъ?“ — Въ лиси.—„Що робывъ?“ — Листя рвавъ.—„Куды клавъ?“ — Пидъ колоду.—„Хто взявъ мою воду?“ А це листъ, а це коринь, а це выступывъ вонъ“ И на кого падеть слово „вонъ“, тотъ выходитъ изъ круга, а кто останется послѣднимъ, тотъ называется „сиря кишка“. Когда „сиря кишка“ назначена, всѣ бросаются отъ нея въ сторону, а она старается ударить кого-нибудь рукою. Съ ударомъ передается и названіе (Ивановъ, Игры крест. дѣтей въ Купян. у. 47). Другія дѣтскія игры въ зайца, безъ мѣсяца-зайца, у *Свидницкаго* въ Основѣ 1861, XI, 44, *Максимовича*, Собр. соч. II 476, *Moszyn'ska* въ *Zbiór Wiadomości* 1881, V, *Чубинскаго* III, 34. Купянская игра въ зайца стоитъ

въ связи съ литературнымъ мотивомъ о кошкѣ и зайцѣ, о чемъ скажемъ въ надлежащемъ мѣстѣ.

Разъ существуетъ повѣрье, что заяцъ своимъ появленіемъ предвѣщаетъ или приноситъ человѣку несчастье, должны существовать и обереги, и мы дѣйствительно находимъ ихъ въ крестьянскомъ быту. Такъ, въ Литинскомъ у. Подольской губ. говорятъ, что, увидѣвъ зайца, перебѣгающаго дорогу, нужно сейчасъ же выбросить изъ повозки клокъ сѣна (своего рода Поликратово кольцо), и въ такомъ случаѣ заяцъ сейчасъ же возвратится назадъ (*Чубинскій*, I, 55), въ Купянскомъ у. Харьковской губ. находятъ, что для предотвращения несчастія нужно три раза перекувыркнуться на томъ мѣстѣ, гдѣ попался на встрѣчу заяцъ (*Ивановъ*, въ Харьк. сборникѣ 1888, с. 94). Во Франціи съ этой цѣлью трижды повертываются на одномъ мѣстѣ (*Rolland*, Faune popul. I 87).

Заяцъ входитъ во многія сказки большею частью совмѣстно съ другими животными. Сказки эти, за немногими исключеніями, не представляютъ научнаго интереса; однѣ изъ сказокъ этого рода шаблонны и безцвѣтны, другія малосодержательны и стоятъ одиноко. Оставляю въ сторонѣ многочисленныя сказки о добываніи заячьяго (волчьяго, медвѣжьяго и пр.) молока (напр. у *Кольберта* въ „*Pokucie*“ IV, 64), великорусскую сказку объ охотникѣ мордвинѣ и зайцѣ (у *Садовникова*), великорусскія скабресныя сказки о томъ, какъ заяцъ былъ свидѣтелемъ при половой связи медвѣдя съ женщиной (*Крѣпѣдѣ*, I, № 1 и 2), малорусскую сказку про рукавицу, въ которой поселились заяцъ, жаба, лисица, кабанъ и волкъ (у *Чубинскаго*, II № 33), польскую о томъ, какъ заяцъ обманулъ волка и лисицу (*Chelchowski* I, 67), сербскія о зайцѣ и жабѣ *Врчевич*, Српске нар. прим. 191, 192), албанскую о томъ, какъ заяцъ поцѣловалъ медвѣдицу (*Hahn*, № 94). Остановимся на двухъ, трехъ сказкахъ о зайцѣ, не лишенныхъ историко-литературнаго и этнографическаго значенія.

У Эзопа находится слѣдующая любопытная въ историко-литературномъ отношеніи басня о зайцахъ и лягушкахъ: однажды зайцы стали горевать о своей горькой долѣ, что у нихъ много враговъ, что имъ постоянно приходится опасаться за свою жизнь. Зайцы рѣшили покончить жизнь самоубій-

ствомъ и помчались къ пруду, чтобы утопиться. Лягушки испугались ихъ и быстро попрыгали въ воду. „Стойте, братцы, закричалъ тогда одинъ заяцъ, и намъ еще можно жить; есть на свѣтѣ твари, которыя и насъ боятся“. Въ распространѣнїи этой басни большую роль могла играть простота сюжета, ясность основной морали и возможность частныхъ дидактическихъ заключеній. У Эзопа тотъ выводъ, что при личномъ горѣ нужно помнить, что есть люди болѣе несчастные—*afflictis aliorum miserias solatiæ esse* (Fab. Aesopicae, изд. 1727, 14). Эту басню воспроизвелъ въ новое время Лафонтенъ, а съ его легкой руки и въ подражаніе ему многіе, напр., Мицкевичъ, съ широкимъ обобщеніемъ, что „*cały świat na tchórze stoi, każdy ma swoje żabę, co przed nim ucieka, i swojego zająca, którego się boi*“. (Poezye, wyd. 1888, II, 302).

Литературный мотивъ о зайцахъ и лягушкахъ проникъ въ сказки многихъ народовъ и пользуется въ настоящее время большой популярностью. Такъ, въ Черкасскомъ у. Кіевской губ. записана слѣдующая малорусская сказка: „Думае соби заецъ: я наислабійшій одъ усега на свити; усега боюся; пташка злетыть, боюся,—пиду лучче утоплюся. Отъ иде винъ до болота, та й иде берегомъ, шукае дебъ то лучче скочыты у воду; колы се жаба—тыць у воду. Эге, думае соби заяцъ, не буду й я топытьця, бо е ще таке на свити, що и мене боится“ (Чубинскій, Труды, I, 55). Точно такія сказки записаны у поляковъ (Kolberg, Lud, VIII, 238, Ciszewski въ Zbiór wiadomości do antrop. kraj. XI 37, Siarkowski, ib. VII, 109). Совпаденіе почти дословно. Весьма сходная сказка недавно записана во Франціи: заяцъ хотѣлъ утопиться; но когда онъ увидѣлъ, что лягушка испугалась его и бросилась въ воду, то онъ такъ расхохотался, что у него треснула губа, и съ тѣхъ поръ всѣ зайцы имѣютъ какъ-бы расколотыя губы—*levres fendus* (Rolland, I, 87). Сходная сказка недавно записана у вотяковъ (Верещанинъ, Вотяки Соснов. края, 73). Сказка эта почти буквально сходна съ малорусской и эзоповской басней, и, вѣроятно, заимствована вотяками отъ русскихъ.

Въ Калилѣ и Диміѣ находится слѣдующая сказка о томъ какъ птица сифридъ и заяцъ судились у кошки. Заяцъ поселился въ гнѣздѣ сифрида въ его отсутствіе и затѣмъ не хотѣлъ уйти.

Сифридь сначала спорилъ съ нимъ, затѣмъ оба они отправились къ берегу моря къ кошкѣ на судъ. Увидѣвъ ихъ, кошка притворилась богомольной и смиренной. Она начала высказывать имъ разныя нравоученія, а когда сифридь и заяцъ освоились и подошли къ ней близко, она бросилась на нихъ и убила (*Калила и Димна*, въ пер. Аттаи, 137). Въ Магабаратѣ и въ Аваданахъ встрѣчаются сходныя сказки въ приложеніи къ мыши (Эти. Обзор. VIII, 52) Подобнаго рода мотивы встрѣчаются изрѣдка въ европейскихъ сказкахъ. Въ одной малорусской сказкѣ сто зайцевъ бѣгутъ жаловаться царю на людей за то, что они бьютъ ихъ и не даютъ проходу. Ихъ встрѣчаетъ котъ, идетъ впереди ихъ и передаетъ царю бѣдныхъ зайцевъ какъ подарокъ на жаркое (*Чубинскій*, II, 356). Въ малорусской сказкѣ этотъ эпизодъ имѣетъ значеніе вставки. Онъ стоитъ несомнѣнно въ родствѣ съ древнимъ повѣствовательнымъ мотивомъ о довѣрчивомъ зайцѣ и вѣроломной кошкѣ.

Литературный мотивъ о зайцѣ и кошкѣ въ Малороссіи отразился въ дѣтской игрѣ, записанной недавно въ Купянскомъ уѣздѣ, о которой мы говорили выше. Здѣсь литературный мотивъ воспроизводитъ древній религіозно-миѣическій космогоническій мифъ. Въ дѣтской игрѣ, какъ въ сказкахъ, кошка стоитъ во враждебномъ отношеніи къ зайцу, и затѣмъ упоминается безъ основанія вода, что намекаетъ на существованіе воднаго источника въ тѣхъ незаписанныхъ разсказахъ о кошкѣ и зайцѣ, подъ вліяніемъ которыхъ возникла дѣтская игра въ зайца и сѣрую кошку; можетъ быть здѣсь скрывается источникъ луны Калилы и Димны.

Къ числу распространенныхъ сказочныхъ мотивовъ относится еще мотивъ о бѣгѣ въ перегонку зайца съ человѣкомъ или ежомъ. Въ малорусской сказкѣ про трехъ братьевъ два человѣка спорятъ, кто кого перегонитъ; одинъ изъ нихъ говоритъ, что у него есть старый отецъ, весь сѣдой, тотъ перегонитъ, и выпускаетъ при этомъ зайца, который, понятно, обогналъ противника (*Чубинскій* II § 107). Въ галицко-русской сказкѣ мужикъ Тимко, чтобы выручить изъ ада проданную имъ жидовку, вступаетъ въ состязаніе съ чертомъ относительно быстроты бѣга. Увидѣвъ зайца, Тимко говоритъ черту: вотъ мой ребенокъ, и онъ тебя перегонитъ; чортъ бѣ-

жить и проигрываетъ (*Kolberg, Pokucie, IV, 193*). Въ польскихъ сказкахъ ежъ и заяцъ бьются объ закладъ, кто кого перегонитъ. Ежъ схитрилъ; отъ поставилъ на томъ мѣстѣ, къ которому условлено было бѣжать, другого ежа, и бѣдный заяцъ, сколько ни бѣгалъ отъ одного пункта поля къ другому, всегда находилъ уже на мѣстѣ ежа (*Chelchowski, Powiesci, II, 97, Ciszewski, Zbiór Wiadom., VI, 37*).

Есть басня Хемницера: Заяцы и Ежъ; но здѣсь ежъ не спорить о скорости бѣга, а колетъ иглами бѣдныхъ зайцевъ, пока не ударился на сукъ дерева; басня натянутая и неправдоподобная.

Въ одной французской сказкѣ (изъ Гаскони) пастухъ говорить отцу, что видѣлъ въ полѣ зайца съ вола. Это слишкомъ; должно быть меньше, замѣчаетъ отецъ. Мальчикъ говорить, что заяцъ величиной съ лошадь, и выслушивая все же замѣчаніе отца, говорить далѣе, что заяцъ былъ съ годовалого теленка, овцу, ягненка, кошку. Это вѣроятно, замѣчаетъ тогда отецъ, но бываютъ зайцы и меньше. Тогда мальчикъ говорить, что онъ былъ величиной съ кролика, крысу, муху. Э, мой милый, сказалъ тогда отецъ, да ты все врешь, и ты совсѣмъ не видѣлъ зайца (*Bladé, Contes popul. de la Gascogne, III, 269—271*). Сходныя сказки существуютъ и въ Россіи. Я слышалъ въ Малороссіи такую сказку: Мальчикъ пастухъ говорить отцу, что видѣлъ въ полѣ 12 волковъ, и на вопросъ отца, а можетъ меньше? понижаетъ цифру на 7, 4, 1 и кончаетъ, „а може то собака, а не вовкъ.“

Въ статьѣ: „Мышь въ народной словесности“ (Этн. Обзор. VIII, 67—70) мы говорили о сказочныхъ мотивахъ, когда то или другое животное становится въ пригодѣ. Къ этимъ страницамъ здѣсь добавимъ, что и заяцъ въ сказкахъ оказываетъ услугу человѣку. Въ одной малорусской сказкѣ заяцъ въ благодарность за то, что герой сказки накормилъ его голодныхъ дѣтей, приносить цѣлющей воды, когда герой сказки былъ убитъ (*Чубинскій, II § 80*). Въ другой малорусской сказкѣ злая мачеха преслѣдуетъ свою падчерицу, обращаетъ ее въ гуску; у падчерицы есть маленькій ребенокъ, за которымъ въ роли няньки ухаживаетъ зайчикъ (*ib. § 138*). Въ эту сказку входитъ одинъ изъ самыхъ древнихъ и распространенныхъ

мотивовъ о благодѣтельномъ бычкѣ, и вся сказка представляетъ варіантъ второй части древней египетской повѣсти о двухъ братьяхъ (*Maspero*, *Les contes popul. de l' Egypte ancienne*, № 1). Та часть сказки, гдѣ зайчикъ ухаживаетъ за ребенкомъ и благополучно доставляетъ его матери, представляетъ значительное сходство съ одной греческой сказкою, гдѣ солнце увело 12-лѣтнюю дѣвочку и потомъ возвратило ее горюющей матери, причемъ проводникомъ и защитникомъ дѣвочки былъ зайчикъ (*Hahn*, *Griech. und alb. Märchen*, № 41).

Какъ воронъ, такъ и заяцъ въ народныхъ поговоркахъ служатъ для выраженія идеи невозможности. О бѣломъ воронѣ сербскихъ и французскихъ народныхъ поговорокъ мы уже говорили въ статьѣ о воронѣ въ IV кн. Этн. Обзор. и въ дополненіи къ ней въ VIII кн. Этн. Обзор. Въ Пермской губ. записана такая примѣта: пока черныя пятна съ ушей зайца не сойдутъ, бабамъ надъ мужиками не суживать,—такъ говорятъ о старшинствѣ въ семействахъ (*Этн. Обзор.* III, 183). Быть можетъ, та же идея невозможности скрывается въ вотяцкой поговоркѣ: конецъ міру будетъ тогда, когда кончики ушей у зайца не будутъ черны (*Верещанинъ*, *Вотяки Соснов. края*, 112).

Существуетъ много малорусскихъ поговорокъ о зайцѣ (см. *Помиса*, Укр. приказки, по указателю), большею частью не представляющихъ ничего характернаго. Въ однихъ поговоркахъ презрительнаго оттѣнка фигурируетъ соленый заяцъ, напр., „величится, якъ соленый заяцъ“; въ большинствѣ поговорокъ насмѣшливаго характера упоминается лишь хвостъ зайца, напр., „вбывся въ ристъ, якъ заецъ въ хвистъ“ (§ 8604), „такій викъ, якъ у зайця хвистъ“ (8267), „не було у зайця хвоста и не буде“ (5496), „величается, якъ заяцъ хвостомъ“ (2488). Заячій хвостъ встрѣчается во многихъ сказкахъ. Такъ, въ упомянутой греческой сказкѣ солнце уводитъ двѣнадцатилѣтнюю дѣвочку. Когда она стала скучать, солнце отпустило ее домой, давши въ проводники зайца. Колдунья (ламія) гналась за ними, и при входѣ зайчика въ домъ матери дѣвочки оторвала у него хвостъ; благодарная мать посеребрила этотъ хвостикъ (*Hahn*, *Griech. und alban. Märchen*). Въ словинской сказкѣ лиса обвиняетъ зайца въ покражѣ меда; волкъ погнался

за зайцемъ, оторвалъ у него хвостъ; „вслѣдствіе этого и понынѣ заяцъ не имѣетъ цѣлаго хвоста и потому называется куцомъ“. Въ одной нѣмецкой сказкѣ заяцъ (обыкновенно волкъ) ловить на льду въ проруби рыбу и отрываетъ примерзпій хвостъ. Потентоты причину отсутствія хвоста у зайца объясняютъ тѣмъ, что когда происходила раздача хвостовъ, то небо было покрыто тучами; заяцъ не рѣшался покинуть своей норы и просилъ другихъ звѣрей захватить для него хвостъ; но они ему не принесли, поэтому заяцъ и понынѣ безъ хвоста (*Колмачевскій, Животный эпосъ*, 82). „Хвостъ звѣрей играетъ въ народныхъ преданіяхъ нерѣдко весьма видную роль. Звѣри гордятся своимъ хвостомъ, лелѣютъ его въ качествѣ оружія или орудія: то лиса уноситъ на своемъ хвостѣ пѣтуха, то волкъ лису. Во многихъ сказкахъ хвостъ лисы является ей помѣхой; она разсуждаетъ съ нимъ, наказываетъ его и т. п. Словомъ, существованіе цѣлаго ряда подобныхъ преданій доказываетъ, что хвостъ звѣрей не замедлилъ обратить на себя вниманіе человѣка, стоявшаго на младенческой ступени развитія. Дѣлая свои наблюденія, послѣдній подмѣтилъ вскорѣ, какъ общее правило, что у громаднаго большинства звѣрей хвостъ длинный. И вдругъ—его глазамъ представляется звѣрь съ короткимъ хвостомъ. Это поражаетъ воображеніе человѣка, кажется ему явленіемъ не нормальнымъ, и онъ, такъ или иначе, старается его объяснить. И вотъ, являются сказки, которымъ можно бы дать общее заглавіе: отчего у извѣстнаго звѣря хвостъ короткій?... Въ различныхъ странахъ народъ, давая объясненіе куцости извѣстнаго звѣря, исходилъ изъ того убѣжденія, что хвостъ укороченъ искусственнымъ путемъ, недоданъ, оторванъ, откушенъ“ (*ib.* 81, 83).

Заяцъ входитъ въ народную медицину, напр., во Франціи мажутъ заячьимъ мозгомъ десна у ребенка, когда рѣжутся зубы, кладутъ заячью кожу на рану для остановки крови (*Sauvé, Le Folk-lore des Hautes Vosges*, 37, 267 и др.). Въ Тиролѣ во время рожи прикладываютъ къ тѣлу кожу съ бѣлаго зайца (*Alpenburg, Mythen u. Sagen Tyrols*, 384). У монголовъ сердце, печень, легкое, даже пометъ зайца входятъ въ народную медицину (*Потанинъ, II*, 100).

Н. Ѳ. Сумцовъ.

Дополненіе къ статьѣ: „Мышь въ народной словесности“ (Этн. Обозр., кн. VIII, 1891 № 1).

На стр. 87—88 приведена сказка о мышѣ-дѣвицѣ по Панчатантрѣ и Калилѣ и Димнѣ. Отраженія этой сказки въ древнихъ греческихъ басняхъ и др. памятникахъ старинной литературы указаны Бенфеемъ въ предисловіи къ Панчатантрѣ (I § 158). Весьма любопытнымъ отголоскомъ этой древней повѣсти представляется популярная дѣтская сказка закавказскихъ татаръ, которую дѣти заучиваютъ въ школѣ со словъ хальфы (момощника муллы): старуха упала на льду и сказала: ледъ! видно ты силенъ. Ледъ говоритъ, что сильнѣе его солнце; солнце говоритъ, что сильнѣе его тучи; тучи болѣе сильными считаютъ дождь; дождь—траву; трава указываетъ на барана; баранъ на мясника; мясникъ на мышей, которыя поѣдаютъ его запасы; мышъ на кошку, и только кошка знаетъ, что она сильна; глаза ея какъ огонь, брюхо какъ барабанъ, лапки бархатныя, когти стальные; лѣтомъ она прохлаждается подъ окномъ, зимой грѣется у печи“. (Захаровъ, въ Сборн. матер. для опис. мѣстн. и плем. Кавказа. IX, ч. II, стр. 28—29).

Н. С.

2007098046